Стирая границы между Востоком и Западом

Рус. курьер. – 2004 – 24 ноя. – с. 23

Лариса АЛЕКСЕЕНКО

Американская премьера фильма «Ночной дозор», первого российского блокбастера, состоялась в нью-йоркском отеле «Софитель». Показ прошел в рамках «Русского дня» на фестивале Международной академии телевизионных искусств и наук. Фантастический триллер побил этим летом в России рекорды кассовых сборов, в пять раз опередив предыдущего рекордсмена – «Властелин колец. Возвращение короля». Кинопрокатчики рассказывают о прибылях, продюсеры о том, что удалось догнать Америку. Спортсмены смотрели его накануне побед, думские заседатели дня не пожалели на выход в кино... Успех «Ночного дозора» подтолкнул голливудскую студию Fox Searchlight купить права на демонстрацию первых двух фильмов в США. Студия также купила права на съемки английской версии третьей части сериала «Сумеречный дозор». Мы беседуем с режиссером Тимуром БЕКМАМБЕТОВЫМ.

ИТАР–ТАСС

– Тимур, после ваших рекламных роликов про Тамерлана у всех в памяти осталось: «Всемирная история. Банк «Империал», хотя и банка-то давно нет. А что останется после «Ночного дозора»?

– Послевкусие.

– Фильм снимался как телесериал, а вышел на широкий экран...

– Сняли его с другим размахом. Не для ТВ. Почему? Просто я так снимаю.

– Ваша первая профессия – художник, сказывается на том, что вы делаете на экране?

– Да, профессия сильно влияет. Я могу нарисовать кадр сначала на бумаге, а потом его снимать. Сам. Операторам со мною трудно, я знаю, чего хочу. Имя Сергей Трофимов в моих работах встречается очень часто, потому что мы дружим с семнадцати лет.

– Интересно, какие картины вы писали? Батальные, эпические?

– Картины я писал, какие все студенты пишут: натюрморты, портреты, пейзажи, но вообще-то я был художником театра и кино. Рисовал эскизы к фильмам и разрабатывал сценографию театральных постановок.

– Почему же в театре не задержались?

– Театр – слишком идеальное искусство. Очень часто тебе приходится делать плохие спектакли. А представление, каким должен быть идеальный спектакль, есть. Но никогда не получается, потому что сценограф очень зависим.

– Вы когда-нибудь видели идеальный спектакль?

– Те спектакли, которые я видел, таковыми не являются. Идеал он и есть идеал. Вот в иудаизме имя Бога произносить нельзя. Так и со спектаклем. Назвать, какой спектакль идеальный, я не могу, но чувствую.

– Художник зависим, но и режиссер несвободен. От продюсера, спонсора...

– И это хорошо. После того, как четко сформирован заказ на фильм, как раз и начинается творчество режиссера. А в противном случае ему приходится овладевать другими профессиями.

– И тогда в кадре появляются пельмени.

– Они и в книге есть. А в процессе съемок уточняется, какие именно пельмени. Они же не бывают безымянными. С 1991-го – или с какого? – когда начал складываться рынок, появились бренды, и всё, в том числе пельмени, стало обретать имена.

– Успех фильма впечатляет?

– Он соответствует тому, что было запланировано.

– Значит, можно запланировать хит?

– В данном случае так произошло. Если ты в состоянии поставить перед собой задачу, ты в состоянии ее и выполнить. Наверняка есть много вещей, которые могут тебе помешать. Но в данном случае этого не произошло.

– Говорят, вы сняли миф нового времени.

– Так оно и есть. «Психиатр» – Лукьяненко, поставил точный диагноз, и мы попытались озвучить его языком кино.

– На вашего брендового Тамерлана работали люди разных национальностей, когда строили Самарканд. А на вас?

– Я тоже никогда не обращаю внимания на национальность. Чем разнообразнее, тем интереснее. Национальные черты если и сказываются, то на должности, которую человек занимает. Есть характерные для определенных национальностей, исторически сложившиеся черты. Одни хлеборобы, другие скотоводы, третьи торговцы. Но восточный человек может быть кем угодно, так же как и западный. Да и где она, граница между Востоком и Западом, тоже не очень известно...

ИТАР–ТАСС